

Представление о микенском как о своем роде койнэ, развитое в работах Георгиева, — говорит Бартошек, — кажется весьма близким к истине, однако критическое отношение вызывает та часть теории, где формулируется идея о его смешанном характере.

Между тем необходимо принимать во внимание, что лингвистическая структура, называемая койнэ или, в современной терминологии, «междialeктный общий язык», определяется не смешением значительного числа различных элементов, но степенью их интеграции, играя роль сверхдиалекта, функционирующего более чем в одной диалектной общности. Неисключена возможность, что койнэ создалось на основе только одного диалекта, как это произошло в классический период; весьма вероятно, что диалект, который лег в основу микенского койнэ, генетически ближе всего стоит к диалектам аркадо-кипрской группы (стр. 102).

Вслед за Е. Ришем Бартошек полагает, что микенский, по-видимому, мог и не иметь прямого продолжения в I тысячелетии, исчезнув вместе с гибелью самих центров минойской культуры; в таком случае мы обязаны были бы допустить сосуществование наряду с языком линейного письма B местных диалектов, прямое продолжение которых можно видеть в недорийских диалектах I тыс. до н. э. (стр. 101, 103).

Вопрос о соотношении основного диалекта к индивидуальной диалектной базе писцов тщательно исследуется в статье Е. Риша, на некоторых аспектах работы которого мы остановимся более подробно.

Выделяя три лингвистических феномена, автор руководствуется мыслью, что можно проследить зависимость их появления в тексте от индивидуальной манеры писцов, когда различные скрипторы отдают предпочтение тому или иному звуку (стр. 150 слл.).

1. Колебание между e/i в дат. падеже ед. числа атематического склонения — *pose-daone* — *posedaoni*. В минойских документах наряду с регулярным окончанием *dat. sing.* на *i* встречаются формы, имеющие в этом падеже оконч. *e*; *kore-teri* — *On 300*, *On 1074* (таблички написаны одной и той же рукой, класс II/III); *dumati* — *On 300*, наряду с *porodumate* — *Fp 50*. В Микенах формы на *i* столь же распространены, как и на *e*; интересно отметить, что оба окончания встречаются в надписях, принадлежащих руке одного и того же скриптора, правда, интерпретация этих текстов на синтаксическом уровне довольно неопределенна (стр. 152): *iteweridi*, *kakewi* — *Oe 121* (рука 43) *pikodake* — *Oe 128*, *perekewe* — *Oe 136*, *kanapewe* — *Oe 129* (рука 56); *puigewe* — *Go 610*; *kaesewe* — *Ge 602* (рука 57) (стр. 152, 1).

2. Колебание между a/o в формах типа *remo* — *rema*. В микенском, как и в диалектах эолийской и аркадо-кипрской групп, обычно *r* соответствует го или *og*, например, *τόπεζα* — *τράπεζα*. С другой стороны, индоевр. *ṛ* проявляется как *a*, точно так же как в греческих диалектах классического времени, например, *κααρί*: индоевр. **kṛṣṇbhis* (ср. гомеровское *καρήατος* и *κράατος* от *κάρη* — голова). Для *m*, которое в аркадо-кипрском и эолийском диалектах проявляется в форме *o* (например, арк. *ἡεζόν, лесб. ἔζον, лит. šimtas*, индоевр. **kṛmóm*) в микенском находится мало примеров; в настоящий момент можно вполне допустить мысль, что *a* — нормальная черта для языка табличек: *aztero* — *ātero* (< **spteros*), *dakoro* — *ḡakóros* (< **dm*). Однако существует ряд случаев, — пишет Риш (стр. 52), когда вместо *a* мы встречаемся с формой на *o*, чаще всего этому звуку предшествует лабиальный согласный; например, *anowoto*, *arikota*. Интересный пример чередования *a/o* наблюдается в слове *agerazoo/agerozo* — *ἀλετράζος*; первая форма засвидетельствована в *Un 267* и, вероятно, в *Un 249,1* (класс I), вторая — в табличках *Ea 812,820* (рука 43), *Fg 374* (рука 21?); здесь также гласному звуку предшествует звук лабиальный, хотя в основном слове стоит только *a* — *agerate*, *A + RE + PA*.

3. Колебание между e/i в формах типа *temitija/timitija*, вызвано, несомненно, соседством лабиального согласного (стр. 153).

Таким образом, Риш считает, что на основе этих признаков можно выявить две главные группы, различия между которыми носят диалектный характер (стр. 156). Дательный падеж на *i*, форма *rema*, *temitija*, свойственные лишь для табличек, принадлежащих работе нескольких писцов, образуют так называемый «микенский особый» (*muscénien special*) или то, что представляет собой индивидуальную основу писцов, по терминологии Бартошека. Дательный на *e*, формы *remo*, *timitija*, встречающиеся в большем числе надписей, характеризуют «микенский нормальный» (*muscénien normal*) — «основной диалект, лежущий в основу микенского койнэ», по терминологии Бартошека.

Микенский особый соответствует немикенскому нормальному, но находит скорее всего продолжение в греческих диалектах классического периода, тогда как микенский нормальный, вероятно, исчез, не оставив следа, из говорящего по-гречески мира (стр. 157).

Идея существования двух типов микенского, бесспорно, представляет значительный интерес, однако мы вправе задать вопрос, всегда ли связано колебание звуков *e/i* с диалектными различиями. Тот факт, что одна и та же рука

пишет *i* и *e*, показывает, что это противопоставление, вероятно, было вызвано иными (недиалектными) причинами, — говорит А. Морпурго Дэвис⁴.

Первый писец: *limito akei* (An 661,10); *eratei* (Sn 608,9); *potijakee* (An 298,2); *qeremee* (Na 540). Второй писец: *arekee* (In 431,16), *erei* (In 829,19).

Не могут ли рассматриваться с этой же точки зрения и примеры, взятые Рипшем из микенских табличек, где колебание между *e/i* наблюдается в документах, составленных одним и тем же скриптором? Как бы ни была решена эта проблема в

⁴ А. Морпурго Дэвис, *An Instrumental-Ablative in Mycenaean. Proceedings of the Cambridge Colloquium...*, стр. 199. См. С. Я. Лурье, *Язык и культура Микенской Греции*, М.—Л., 1957, стр. 133.

дальнейшем, но в настоящий момент надежность критериев, при помощи которых выявляются типы микенского — нормального и особого — вызывает определенные сомнения; на наш взгляд, совокупность этих признаков (*e — o — i / i — a — e*), разграничивающих две большие языковые группы, не образует достаточно строгую систему.

Мы не будем касаться здесь статей, посвященных земельным отношениям в Пилосе (М. Лежена, Д. Джонза, отчасти Л. Палмера) и организации скотоводства по данным надписей Sn (М. Лэнг), надеясь в дальнейшем рассмотреть их вместе с другими исследованиями, непосредственно посвященными этим проблемам.

Г. Ф. Полякова

R. BOGAERT, Les origines antiques de la banque de dépôt. Une mise au point accompagnée d'une esquisse des opérations de banque en Mésopotamie, Leyde, 1966, 185 стр.

Рецензируемая книга, посвященная важной проблеме происхождения банковских вкладов, является первым обобщающим исследованием о банковских операциях в древности. К книге приложен большой список литературы по экономической истории древней Передней Азии, Греции и Рима. Автор книги Раймонд Богерт — голландский ученый, опубликовавший ряд работ по истории кредита в древней Греции. Однако он не является специалистом по клинописи, и поэтому основная часть его книги (банковские операции в Месопотамии с конца III до середины I тысячелетия до н. э. — стр. 41—129) основана только на переведенных и интерпретированных специалистами документах. Указывая на то, что до сих пор переведена сравнительно небольшая часть изданных клинописных документов, автор считает свою работу предварительной (стр. 24). По его словам, книга ничего нового не даст ассириологам и рассчитана на лиц, интересующихся историей банков.

Однако нам представляется, что рецензируемая книга принесет пользу и ассириологам, так как сводных работ, основанных на современной литературе, в этой области пока очень мало, а необходимый клинописный материал на различных языках, охватывающий время около трех тысячелетий, доступен лишь немногим ученым, которые главным образом занимаются лингвистическими проблемами. Кроме того, некоторые разделы книги (например, о роли греческих тра-

пезитов в изобретении операций банковских вкладов) посвящены мало исследованным до сих пор вопросам. Поэтому нам представляется целесообразным изложить вкратце основные выводы, к которым пришел Р. Богерт в своей книге.

Древнейшие сведения о банковских операциях содержатся в шумерских и аккадских юридических документах. Эти операции практиковались храмами, царским дворцом и частными лицами. С глубокой древности богатства общины (вотивные предметы, священные вазы и т. д.) хранились в храмах, которые были единственными прочными и охраняемыми зданиями, внушавшими доверие и почтение. Как видно из документов архива в городе-государстве Лагаш, в шумерские храмы вкладывались излишки (главным образом, зерна и других продуктов) общины и частных лиц, среди которых многие являлись храмовыми чиновниками.

В Законах Хаммурапи и Эшнунны говорится о хранении вкладов во время войн и других бедствий. Согласно § 124 Законов Хаммурапи, за хранение вкладов зерна в частных амбарах надо было платить $1\frac{2}{3}\%$ всего вклада¹. В касситский период храм являлся хранителем регулярных вкладов зерна, которое в отличие от предыдущей и последующей эпох

¹ Ср. также §§ 120—125, которые свидетельствуют о хранении зерна, серебра, золота и других вещей в частных хранилищах.

играло роль мерила обмена². Каждый клиент имел в храмовых закромах отведенное ему отделение (*tibku*), где находился его вклад (*maššartu*) зерном. В Нузи частные лица хранили свои вклады медью в общественных складах, вынимая их оттуда по мере надобности. Ассирийские магазины (*kārum*) служили складами, где хранились товары и денежные вклады. Однако во всех указанных случаях отданные на хранение фонды оставались неиспользованными хранителем для операций кредита, т. е. их не отдавали в ссуду третьим лицам и вкладчикам не платили процентов (наоборот, с них взыскивалась плата за хранение). Не засвидетельствован также перевод с одного счета на другой.

Уже в период III династии Ура (XXIV в.) существовали все три вида кредита: потребительский, сельскохозяйственный и коммерческий. В старовавилонский период храмы играли роль кредитного института, давая ссуду деньгами и зерном обычно на короткий срок. В большинстве случаев это был потребительский кредит. Старовавилонский документ из Ларсы свидетельствует, что царская администрация снабжала шерстью, рыбой, финиками и овцами одного торговца. Цена товаров (3 мины) не была уплачена покупателем немедленно, он получил кредит на сумму долга. Кредитные операции дворца в Ларсе, Дилбате и Сиппаре были тесно связаны с торговлей и направлены на ее финансирование. Царь делал различие между кредитом для потребления и кредитом для получения доходов. В Мари цари также занимались кредитными операциями. Однако в кредитных операциях дворец не играл видной роли за исключением Алаха, где царь являлся главным займодавцем. В развитии кредита большое значение имела деятельность торговцев, и поэтому само слово *tamkāru* (торговец) стало синонимом слова «кредитор». Ассирийские купцы II тысячелетия первыми стали применять легко перемещаемые займы, так как в долговых документах не отмечалось имя кредитора.

В новоассирийский и нововавилонский периоды храмы выступают как займодавцы, но цари, по-видимому, не принимали участия в таких операциях. От нововавилонского времени мало данных о вкладах зерном. Теперь торговля была сосредоточена не в руках тамкаров, а больших деловых домов (*maisons d'affaires*), таких, как Эгиби и Мурашу³.

² В период касситского господства в Вавилонии наступил экономический регресс, и серебро как мерило обмена исчезло.

³ В сущности это выражение — «деловой дом» — неудачно, так как на самом деле речь идет просто о ряде богатых семей, связанных общим происхождением

Дом Эгиби — не более древний и важный из деловых домов — продавал, покупал, обменивал дома, поля, рабов и т. д. Наряду с этим он занимался и профессиональными банковскими операциями, а именно, был займодавцем, принимал на хранение вклады, давал и получал векселя, уплачивал долги своих клиентов, финансировал торговлю и основывал коммерческие товарищества. Обычно дома Эгиби и Мурашу называют банкирскими, полагая, что характерной особенностью нововавилонского времени было возникновение могущественных частных банков, в то время как в старовавилонский период кредит всегда предоставлялся храмами или государством. Деловые люди (*hommes d'affaires*) Нового Вавилона отличаются от своих предшественников тем, что их операции носили большой размах и были очень разнообразны. Однако, по мнению Р. Ботерта, семья Эгиби, как и их предшественники, не были торговцами денег и не использовали для кредита вклады, которые были отданы им на хранение, а работали с помощью собственных средств. Вкладчики дома Эгиби были придворными или лицами, с которыми члены семьи Эгиби были связаны деловыми интересами. Для обращения к дому Эгиби с просьбой произвести определенные уплаты могли быть разнообразные причины: недостаток времени, когда надо было уплатить долги, и т. д. Кроме того, определенные уплаты требовали просрочки и регулирования подсчетов, например при продаже рабов.

Что же касается дома Мурашу, характер его деятельности был обусловлен изменениями, внесенными персами в режим собственности в Вавилонии. Земля была распределена наделами между персидскими вельможами и коллективами воинов и чиновников (*ḫaṭru*), которые сами не являлись земледельцами и поэтому отдавали землю для обработки. Дом Мурашу брал в аренду эти наделы, платил их владельцам арендную плату и вносил за них в казну государственные подати. Однако Мурашу редко обрабатывали эту землю силами принадлежавших им рабов, а сдавали ее обычно в субаренду. Другими словами, Мурашу главным образом управляли фондами наделов и служили посредниками между землевладельцами и сельскохозяйственными работниками (по терминологии Ботерта: между капиталистами и непосредственными производителями).

Как и современные банкиры, дом Мурашу работал с помощью чужих средств

денежом («потомки Эгиби») и разнообразными имущественными отношениями, которые вели обширные торговые и рестолические операции; несколько более тесной была связь между семьями «потомков Мурашу», которые действовали в деловой сфере согласованно.

Но между теми и другими имеется поразительная разница: у Мурашу эти средства — недвижимое имущество, а не деньги. Если банк контролирует многочисленные мелкие капиталы, чтобы вложить необходимые средства в коммерческие и промышленные предприятия, Мурашу делали как раз обратное: брали в аренду большие земельные наделы и сдавали их мелкими участками в субаренду. Если Эгиби вкладывали капиталы в коммерческие товарищества, Мурашу не играли никакой роли в международной торговле и интересовались только сельскохозяйственными операциями.

Месопотамия начиная с последних веков III тыс. знала большое количество разнообразных банковских операций (в том числе ссуда и вклады), которые совершенствовались с течением веков. Именно в Месопотамии появились первые векселя, которые можно было продать: долговые расписки ассирийских тамкаров, вавилонские документы на предъявителя и абстрактные долговые документы нововавилонской эпохи. Уже в старовавилонское время появились легко перемещаемые долговые документы. В нововавилонское время эти операции продолжали развиваться и уже засвидетельствован вклад с процентами. В частности, именно в это время получила широкое распространение следующая практика расчетов с кредиторами: если А должен был определенную сумму В и имел долг за С, он сообщал письменно или заявлял устно С о необходимости уплатить его (А) долг по отношению к В полностью или частично.

Таким образом, банковские операции (за исключением меняльных контор и, вероятно, перевода денег с одного счета на другой) возникли в Месопотамии, как с этим согласно огромное большинство ученых. Однако следует делать различие между банковскими операциями и банком. Банк не может существовать без банковских операций, однако последние могут иметь место еще до возникновения банков или вне их. В Месопотамии до сих пор не удалось найти торговлю деньгами, т. е. ссуду денежных вкладов. Следовательно, там не было и банков. У храмов, двора, торговцев и землевладельцев, т. е. у всех, кто располагал деньгами, банковские операции играли второстепенную роль. Хотя Месопотамия действительно была колыбелью банковских операций, лица и учреждения, занимавшиеся этими операциями, не отделились для образования автономной банковской корпорации. Именно поэтому в клинописных языках нет терминов для слов «банк» и «банкир». Другими словами, в эволюции банков месопотамская стадия была стадией доденежных банковских операций.

Что же касается торговли деньгами, она является изобретением греческих трапезитов V века до н. э. В VI в. появи-

лись меняльщики, которые постепенно стали меняльщиками-примерщиками, а потом — меняльщиками-банкирами. Впервые в истории греческие трапезиты стали использовать для различных целей доверенные им вклады, т. е. начали заниматься банковскими операциями с помощью чужих денег.

Эволюция превращения трапезита в банкира произошла к началу IV в. до н. э., и, вероятно, переходный процесс в течение всего V в. протекал следующим образом. Должник, который хранил деньги у трапезита, приглашал к нему своего кредитора. Трапезит платил последнему в присутствии должника необходимую сумму, и это имело преимущество для обеих сторон: для должника трапезит играл роль свидетеля, а кредитор мог быть уверен в полноценности денег, так как уплата серебром низшего качества была очень распространена в древности.

В IV и III вв. продолжалось развитие и совершенствование греческих банковских операций и их распространение в средиземноморском мире (в Италии, Египте, Сирии и т. д.). Птолемей создал в Египте первую банковскую систему с центральным банком в Александрии и банками номов и деревень. Римские завоевания распространили банк на Запад, но экономический регресс в средние века (упадок торговли и городской жизни) привел к его исчезновению в VI в. н. э.

Однако древние банковские традиции сохранялись в Византии и странах мусульманского Востока и оказывали влияние на экономику западных стран. В XII в. наблюдается возрождение банков на севере Италии, где экономические и юридические традиции древности были наиболее живы и где сохранялись связи с Востоком. Слово *bancherius*, которое применялось преимущественно по отношению к меняльщикам-банкам Генуи, снабдило банковское дело радикально новым термином. В XIV в. в Венеции появились банки с переводом денег с одного счета на другой, теперь чек и переводный вексель стали играть важную роль в банковской практике. Начиная с XVII в., когда в Англии начали выпускать банковские билеты, а сами банкиры специализировались на банковском кредите, возник современный банк.

В заключение остановимся на некоторых спорных положениях и мелких погрешностях, которые встречаются в рецензируемой книге.

Вряд ли можно признать правильным утверждение Р. Богерта о застое вавилонских законов (стр. 142, прим. 49), так как в каждый период истории Древнего Востока в силу новых законов, которые затем менялись вместе с изменением социальных условий.

По мнению автора книги, в Вавилонии в отличие от Греции и Рима возникновению банков мешала необходимость хра-

нения громоздких табличек, относившихся к тому или иному делу (стр. 142). Однако вавилоняне хранили в своих конторах, архивах и библиотеках тысячи клинописных табличек и без труда ориентировались в них, находя нужные документы. Поэтому причины того, почему вавилоняне не смогли перейти от банковских операций к банковской системе (скажем, такой, как у греков в IV в. до н. э.), целиком следует искать в экономике страны. В частности, как нам представляется, одной из причин являлось то, что хотя деньги были изобретены еще в VII в. до н. э., а в середине V в. они чеканились даже в Палестине и финикийских городах и торговцы многих народов (например финикийцев) широко пользовались не только деньгами своей страны, но и чужеземными, в Вавилонии при купле-продаже и других платежах вместо чеканной монеты уплата производилась слитками серебра различной чистоты, которые каждый раз взвешивались.

Роль такмаров в нововавилонский период до сих пор не исследована, однако утверждение Р. Богерта, что само слово *tamkāru* не встречается в документах этого времени (стр. 128), не соответствует действительности⁴.

⁴ См., например, J. N. Strassmaier, *Inscriptionen von Nabonidus, König*

Ошибочно также предположение автора книги, что преемником Римут-Нинурты из дома Мурашу стал Аршама, который либо сам был членом семьи Мурашу, либо приобрел у последних их «фирму» (стр. 118). В действительности Аршама — персидский вельможа, который при сдаче в наем своего скота прибегал к помощи агентов дома Мурашу.

В заключение следует еще раз отметить, что историки, экономисты и юристы, которые интересуются экономикой древних обществ, с пользой и интересом прочтут рецензируемую книгу. Естественно, по мере обработки и исследования уже изданных многих тысяч юридических и хозяйственных текстов, а также по мере издания новых документов выводы Р. Богерта, вероятно, будут проверены и уточнены.

М. А. Дандамаев

von Babylon, Lpz, 1889, №№ 17, 17; 464,6; 612,4; 749,9; 887,2; 958,13 и др. В нововавилонских документах упоминаются: *tamkāru* («торговцы»), *tamkār šarri* («царский торговец»), *tamkārū rabūti* («крупные торговцы»), *tamkār immeri* («торговец овцами»), *rab tamkārī* («старшина торговцев») и т. д.

NICOLAS PLATON, *Crète. Traduit du manuscrit original grec par P. Charamis et J. Marcadé (Archaeologia mundi)*, Genève — Paris — Munich, 1966, éd. Nagel, стр. 236+118 илл.

Донисторический Крит продолжает привлекать к себе внимание исследователей. Вслед за А. Эвансом исследованием отдельных мест острова занялись не только иностранные ученые, но и сами греки. К их числу принадлежит и автор названной книги. В настоящее время он является хранителем музея критских древностей в гор. Гераклионе. Открытый им дворец в местечке Закро (на восточной оконечности острова) обогатил науку ценными материалами. Раскопанный дворец не подвергся хищениям грабителей и потому найденный там материал имеет особое значение.

Рецензируемая книга посвящена в общем подведению итогов открытий, сделанных до сего времени на острове. Она вышла в серии «Археология мира» и так же, как и намечаемая книга о Микенах, предназначена для широкого круга читателей. По сравнению с появившейся у нас ранее обстоятельной книгой Дж. Пендлбери «Археология Крита» (русс. пер. Я. М. Боровского, под ред.

В. В. Струве, М., 1950) Платон доводит свое изложение до времени микенского господства и не касается позднейших периодов истории Крита. Зато он использует новейшие открытия в области археологии и лингвистики вследствие прочтения значительной части письменных документов. Эти данные позволяют автору говорить о широком культурном влиянии Крита далеко за пределами Эгейского моря (стр. 28—30, 186, 205). Книга написана живым, ясным языком, не перегружена длинными сухими перечнями, подобно книге Пендлбери, что не мешает ей сохранять высокую научную ценность. «Важность вклада Крита, — пишет автор, — в создание греческой цивилизации, наследовавшей ему, а через его посредничество и в появление нашей собственной современной цивилизации, стала теперь уже очевидной». Этими словами наш автор резюмирует содержание своей книги и предвидит возможности еще новых открытий в области древнейшей культуры Крита (стр. 221). Вместе с тем это харак-

теризует и его собственное отношение к известной долей восторженности к изучаемому предмету.

Книга Н. Платона состоит из трех основных частей: 1) проблемы, 2) методы и 3) результаты, причем каждая из этих частей содержит ряд подразделений с особыми заголовками, что с полной отчетливостью раскрывает перед читателем всю последовательность изложения.

Уже Г. Шлиман в последние годы жизни планировал раскопки на месте древнего Кносса; первые попытки были сделаны греком Калокерином, но только после перехода острова под протекторат Англии в 1899 г. А. Эвансу удалось организовать систематическое исследование дворцов в Кноссе, а за этим начались раскопки специальными миссиями итальянцев, французов, немцев, американцев и самих греков в разных местах острова, особенно в Фесте, Гурнии, Агнотриада, Гортине, пещере Камарес и др. Естественно, что перед исследователями встало много вопросов об особенностях новооткрытой культуры и о ее носителях, о племенной их принадлежности и языке, об отношениях с жителями островов и материковой Греции, в частности с микенской культурой, Египтом, хеттами, шумерийцами и вавилонянами и др. Крит оказывается центром, в котором скрещивались различные влияния. Наконец, разрешения требует вопрос о роли минойцев, ахейцев и дорийцев (стр. 15—74).

В специальной главе о методах автор останавливается на скудных литературно-мифологических воспоминаниях и пометках и особенно на изучении топографии, которая дает указания на догреческие элементы, например, в названиях Кносс, Амнис, Тилисс, Лабиринф и др. Об этом же свидетельствует и дешифровка линейного письма В, показавшая, что мы имеем дело уже с древнейшими формами греческого языка, близкого к языку поэм Гомера.

Понятно, что во всяком историческом исследовании большое значение имеет датировка древних памятников, хотя бы только установление их хронологической последовательности. Обычно в этом вопросе следуют методу А. Эванса, который, опираясь на наблюдения над развитием техники керамики, наиболее богато представленной среди критских находок, разделил всю историю древнего Крита на три основных периода — ранний, средний и поздний минойские периоды с дальнейшими подразделениями каждого из них. Наш автор отмечает искусственность такой периодизации и особенно подчеркивает игнорирование крупных физических катастроф — землетрясений, дважды разрушивших критские дворцы, и устанавливает новый принцип — период додворцовый, период первых дворцов, период вторых дворцов, период последдворцовый.

Но при всем этом все-таки наиболее точной будет хронология, основанная на сопоставлении с точно известными данными истории Египта, Вавилона и др. Автор настаивает на строгом соблюдении метода стратиграфии и дает довольно подробное описание. Он знакомит и с новыми методами датировок (радиоуглеродный метод), но признает за ними пока лишь приблизительное значение. Мы находим и описание методов обработки, реставрации и экспозиции находок (стр. 77—120).

Пожалуй, самой важной частью книги является описание главных открытий. Остатки неолитической культуры относятся ко времени 6000—2600 гг. до н. э. В середине III тыс. начинается обработка меди. Но остается спорным, какому населению принадлежит это достижение — местному или пришлому. Наличие коллективных погребений как будто указывает на родовые организации. К этому времени относится строительство первых дворцов, приблизительно 2000—1700 гг. Автор знакомит нас также с развитием керамики и других видов ремесла и искусства. Можно говорить уже о развитии экономики и о появлении иероглифического письма, о развитии внешних сношений. Какая-то геологическая катастрофа около 1700 г. привела к полному разрушению этих первых построек. Однако вскоре на тех же местах выросли новые, еще более грандиозные постройки, которые превзошли прежние своими размерами и великолепием. Высокий расцвет культуры, как видно по находкам отдельных предметов египетского и вообще иноземного производства, можно датировать периодом от 1700 до 1380 г. до н. э. К этому времени относится и линейное письмо В. Автор отмечает жизнерадостный характер искусства, отличающий его от египетского и восточного. Это время отмечено строительством дорог, водопроводов, гостиниц и т. п. (стр. 160—165). Бросается в глаза в жизни этого времени большая роль женщин, может быть, вследствие того, что мужчинам приходилось слишком много времени проводить в походах и на море. Весь строй характеризуется как бюрократический (стр. 172). Платон говорит и о наличии рабов, но считает, что количество их было невелико. Наш автор упускает, однако, из виду естественный вопрос, а кто же строил эти дворцы, дороги и обрабатывал землю? Многочисленные остатки хозяйственного инвентаря позволяют говорить о высоком развитии ремесел и торговли. Домашняя утварь и живопись дают представление о частной жизни и даже о жизни в окрестных деревнях. Приводится много данных, свидетельствующих о религиозных представлениях и культах — почитание природы в женском образе, культ двойной секиры, тотемистический культ быка, нашедший отклик в грече-